

**Проповеди
священномученик Серафим (Звездинский),
епископ Дмитровский**

Великая Среда 1921 г. Литургия, Дмитров

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Евангелие, которое слышали мы ныне, чудный, призывный звон колокола для всякого грешника. Нигде в Евангелии нет такого образа милосердия Божия к кающимся, такого образа возрождения, как в рассказе о грешнице. Злые страсти держали душу ее, как бы в плену демонском, много душ погубила она, разбивала и нарушала мир в семьях. Наконец, ей стала тяжела такая жизнь, тоска вселилась в душу, победы не давали радости. Вдруг она слышит о Великом Пророке, видит Его среди учеников, слышит учение Его, на ней остановился взор Его. Много глаз смотрело на нее с любовью, но в них она читала только страсть, звериное чувство, а в этом взоре она прочитала осуждение всей ее жизни, и в то же время неизреченную доброту и всепрощение. И этого взора она не могла забыть, ей хотелось еще раз увидеть Учителя, услышать Его, попросить прощения. Долго искала она Его, в одни дома она не осмеливалась, стыдилась войти, потому что о ее грехах знали все; в другие трудно было попасть, потому что ее, как презренную, отталкивали от дверей. Уже наступил вечер, когда она узнала, что Христос в Вифании, в доме Симона прокаженного. Сюда она решилась войти: ей, всеми презираемой женщине, можно было переступить порог этого дома, чтобы исповедать свои грехи всенародно, потому что прокаженные сами были отверженные, им нельзя было оставаться даже в городе, к ним боялись входить в дом. В надежде покаяния, побежала она туда, не боясь, что будут думать и говорить о ней люди. Из всех сокровищ она захватила только флакон нарда. Это было драгоценнейшее, купленное страшною ценою позора благовоние. Нард – чудное благоуханное миро такой цены, что его держали в драгоценных хрупких сосудах с узким горлышком, чтобы миро вытекало из флакона по капле. С этим сосудом вошла она в дом. Ее не испугало презрение и негодование, с которым ее встретили гости, она видела только чудного Учителя, она заметила, что его приняли не с должным почтением, что Ему не оказали самое обычное гостеприимство, не вымыли ноги, не помазана голова маслом, как было принято на востоке. Грешница, как бы привлекаемая какою-то силою, осмелилась подойти к самому ложу Христа, потому что на востоке вкушают пищу на ложах, в полулежачем положении. Взглянув в лицо Учителя, грешница поняла, что ей нечего рассказывать, что вся жизнь ее уже известна Ему, вся ее темная жизнь, все ее страсти; но ей не стало страшно; напротив, она поняла, что если кто

сможет простить, то только один Он, который все, все понял. Бесконечная благодарность, пламенная любовь к Милосердному охватила ее душу и со слезами раскаяния упала она к ногам Его. Эти ноги были в пыли, но ее слезы смыли эту пыль, ее волосы от сильного движения распустились, и она ими оттерла омытые ноги. Не смутили ее насмешки и негодования, она верила, что здесь спасение. Схватив свой флакон, свое сокровище почти бесценное, она стала возливать миро на голову, для которой хозяин пожалел масло, но миро вытекало медленно, по капле. Тогда она разбила хрупкий флакон и благоухающий нард струями полился и на голову, и на одежду, и ноги Сидящего. Все принесла она сюда, к ногам дивного Пророка, и свою гордость, и свою известность, не побоялась насмешки; не флакон, а душу свою она разбила, потому что бесконечная любовь загорелась в душе ее, и всю себя принесла она в жертву. И ее жертва не была отвергнута: *«Прощаются тебе грехи твои многие за то, что ты возлюбила много»*, – услышала она (ср. Лк. 7:47–48). Упала к ногам Христа презренная грешница, а встала равноапостольная Мария Магдалина (потому что, по преданию, это именно она).

Великая Пятница 1921 г., Дмитров

У гроба покрытого язвами Христа, взирая на Его прободенные руки и ноги, на рану в ребрах Его – что хочется сказать? Хочется спросить, за какое преступление, за какую вину Он был так мучим? За что предан был на смерть не имевый, где главу преклонити? Взирая на Него, лежащего пред нами, я вспоминаю те пути, которыми Он был обвит. Много было этих пут на Нем. Но из них выделяются трое пут, возложенных на Спасителя тремя людьми: Иудой, Каиафой и Пилатом.

Посмотрим, что же за пути возложил на Христа Иуда. Он ведь был один из любимых двенадцати, ему Господь открывал все тайны Своего учения, ему дал дар чудотворения и все-таки Иуда предал, предал своего Учителя и Господа. Почему же? Всмотриваясь в характер Иуды, мы отметим самую яркую особенность его: Иуда – материалист. В общине апостолов он, видимо, охотно исполняет роль казначея, и св. евангелист Иоанн прибавляет, что он был не вполне честен даже среди своих. На вечере при виде драгоценного дара жены-грешницы Иуда негодует, зачем она позволила себе такую непозволительную трату. Предавая Учителя, он спрашивает Его врагов, что мне дадите, если я предам Его. Этот материализм оттолкнул его от Христа. Иуда примкнул к ученикам Господа в надежде, что явился Мессия – устроитель царства могущественного здесь на земле, царства народа Израилева, где ученики заняли бы подобающее им место, первых помощников Мессии, и вдруг этот Учитель проповедует нищету, обещает Своим последователям гонения, скорби, лишения, говорит, что Его Царство не здешнее – понятно разочарование Иуды. Он уже из той казны, которую собирал для Христа, стремился кое-что утаить. Это замечали другие – и это озлобляло Иуду, и он, разочаровавшись в своей мечте быть помощником царя Иудейского, решил отомстить Ему, предать Его врагам. Но и в них он обманулся. Он думал, предав Спасителя, заслужить благодарность князей еврейских, получить выгоду от своего предательства, но враги Христа использовали ученика-предателя, с презрением швырнули ему сребренники и отвернулись от него. Так Иуда сам наказал себя, покинул общество апостолов и был оттолкнут синедрионом.

Как похожи на него все современные материалисты, для них понятны только земные блага, они представляют рай только на земле, а все, что недоступно внешним нашим чувствам, ими осмеивается, гонится, отрицается. И, как Иуду, обманывает их мир, не дает того, чего они ждали

от него. Это ведет к раздражению, отчаянию, иногда к самоубийству, как Иуду привел его материализм к ужасной смерти.

Второй враг Христа – Каиафа. Посмотрим на него. Он видный деятель, он заботится даже о своем народе, боится, что придут римляне и завладеют их царством, а потому решается открыто сказать: *«Лучше пусть один человек погибнет, нежели весь народ»* (ср. Ин. 11:50). Такое мнение о Христе Каиафа высказывает потому, что он рационалист, он предшественник наших Ренанов, Толстых и им подобных. Своим гордым умом Каиафа не может принять учения Христа, его возмущают просто верующие, про которых он презрительно говорит, что они прокляты в законе. Его не трогает, не убеждает чудо, даже такое, как воскрешение Лазаря. Как похожи на него наши современные умники, которые гордо заявляют, что они могут принять Христа как великого учителя, но не как Бога; что учение Его – не откровение Божественное, но обычное, человеческое, в которое другие могут вносить поправки и изменения. В результате появилось у нас евангелие Толстого, грубое, безобразное, полное чисто земных мыслей.

Теперь посмотрим на Пилата. Он и не прочь принять Христа, но не решается Его открыто исповедать. Как похожа на него наша современная интеллигенция, хромающая на оба колена, и как жалки такие неустойчивые, колеблющиеся умы! Но не этих трех лиц мы видим у этого драгоценного для нас гроба. Здесь я вижу богобоязненного Иосифа, достойного, дерзновенно просившего у Пилата тело Иисуса Христа и с честью похоронившего Его, не боясь угроз и злобы синедриона. Здесь я вижу Никодима, принесшего умершему Учителю дорогой дар любви: смирну и алоэ. Здесь я вижу и сотника, искренно исповедовавшего: *Воистину, Он Сын Божий* (Мф. 27:54).

Возлюбленные мои, пусть не будет среди вас материалистов, променявших дар апостольства на мишуру мира, на 30 сребренников, пусть не будет гордых умников, Каиаф и Пилатов пусть не будет среди вас.

Будьте же подобны смелым исповедникам Христа – сотнику и Иосифу, принесите Лежащему во гробе миро – смирение и алоэ – любовь, обвейте Его чистою плащаницею добрых дел, чтобы быть достойными узреть Его воскресшего из гроба.

Великая Суббота 1921 г. Дмитров

Замечали ли вы, дорогие мои, что в природе все совершается постепенно и умеренно?

Возьмите момент смены ночи и дня: не бывает же так, чтобы ночную тьму сразу сменило ослепительное солнце – нет, сначала за мраком наступает переходное время – сумерки предрассветные, и только тогда, когда привыкает глаз к свету, появляется яркое солнце. Это так устроено для того, чтобы подготовить глаз наш к восприятию ярких лучей, иначе он может пострадать.

Так же устроит Господь и в жизни духовной. Вот и теперь, и в последние дни Страстной Седмицы, мать наша Церковь готовит нас к восприятию светлой весны Воскресения. Сквозь печальный плач о страданиях Спасителя светит нам надежда на победу над смертью. Прислушайтесь к песнопениям, присмотритесь к символам богослужения. Вчера мы видели лежащего во гробе, сегодня носили погребать Его. В Евангелии на утрени говорилось, что Христа сняли со креста, положили во гроб, привалили ко гробу камень и даже приложили печать. У этого гроба мы слышим песнь: «Не рыдай Мене Мати, восстану бо и прославлю верою и любовью Тя величающих». У этого гроба мы читали и пели песнопения и псалмы, которые создают картину отпевания умершего человека; но сейчас уже, во время литургии, мы слышим радостную песнь победы: «Поем Господеви, славно бо прославися».

После этого настроение усиливается пением другой песни: «Господа пойте дела и превозносите Его во веки». Наконец, перед самым Евангелием мы слышим могучий, торжествующий призыв: «Воскреси, Боже, суди земли, яко Ты еси наследилши во всех языцех». Во время пения этой песни спадают с священнослужителей одежды скорби и они облачаются в белые, блестящие. Самое Евангелие говорит уже о Воскресении, но пока эта радость воспринята только ангелами, а люди, за исключением мироносиц, еще не узнали о ней. Но зато узнала об этом природа, которую освятил погребенный и воскресший Спаситель. Он освятил землю возлежанием во гробе, освятил растения, допустив погребение Свое в саду Гефсиманском, освятил воздух Своим восхождением к Отцу, освятил солнце, лучи которого озарили Его Воскресшего.

И за эту радость обновления, за радость победы вся вселенная возносит благодарность восставшему.

Обычно, когда в какой-нибудь праздник или юбилей хотят почтить победителя или порадовать виновника торжества – для него приглашают хор, его приветствуют речами, стихами и пением, и я сегодня слышал дивный божественно-дивный хор, которым св. Церковь почтила Искупителя мира. Хор этот громаден, голоса его могучи, музыка чудной гармонии. Послушайте из кого состоит этот хор. Он воспевает несмолкаемо песнь: «Господа пойте дела и превозносите Его во веки». Кто же поет это? А вот слушайте, кто: «Благословите, ангели Господни, небеса Господня, Господа, пойте и превозносите Его во веки». Вот чья первая арфа звучит в этом хоре. Ангели, небеса небес прежде всего несмолкаемо поют чудную песнь. К ним присоединяют свои гимны воды вся, яже превыше небес, вся силы Господни. К хору небесных сил присоединяются голоса святых пророков, провозвестивших Искупителя, апостолов, хоры победные мучеников, мучениц, страстотерпцев, исповедников, хоры преподобных, тесным путем, тяжелою борьбою с собою, со своим «я», достигших светлых чертогов, хоры всех праведных воспевают эту победную песнь, на весь мир звучит победная арфа, согласно, гармонично, торжественно звучат ее струны. И разве можно затмить, разве можно расстроить этот дивный хор, если порвется маленькая, маленькая струночка? Конечно, нет! А потому, друг мой, ты, который скорбишь, что среди хора на земле есть такие, которые не хотят петь победный гимн, которые пытаются своими ничтожными слабыми голосами прервать победную песнь – не бойся! Эти жалкие голоса даже не слышны в громадном хоре; этих порвавшихся струн и не заметят торжествующие певцы. Воспрянь же духом, подыми скорбно поникшую голову и послушай, как хор в честь Воскресшего своими голосами наполняет и небо и землю, спускается в самый ад и туда несется весть Воскресения и прощения.

И в твоей душе грешной, скорбной, унылой звучит этот гимн – прислушайся к нему и присоедини свой голос к хору Воскресшего.

14 июня 1921 г. Литургия. Пешношский монастырь

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Поздравляю вас, други мои, с дорогим всем нам именинником, потому что сегодня день тезоименитства преп. Мефодия, покровителя нашего. Отовсюду собрались сегодня люди сюда помолиться: с севера и юга, с востока и запада нашего края. Ни далекий путь, ни другие неудобства не остановили тех, чье сердце полно любви к преподобному, и сейчас, когда столько народу собралось здесь, я вспоминаю о том, кто же был на именинах у преп. Мефодия в то далекое время, когда он жил еще на земле. Тогда приходил к нему преп. Сергей, его учитель, чтобы поздравить своего ученика и побеседовать с ним, приходили его поздравить и дикие звери, с которыми делился святой кусками хлеба, да разве еще ангелы Божии сходили к нему, потому что преп. Мефодий был собеседником ангелов.

А теперь вот вы пришли на именины к нему.

Имениннику приносят обыкновенно подарки. Когда я шел сюда, чтобы принести бескровную жертву, возгласить «Твоя от Твоих», я зашел ко гробу преп. Мефодия, и он сказал мне о ваших подарках. Вы, как волхвы Христу, принесли преп. Мефодию три дара – светлое золото – веру вашу, ладан благоуханный – молитву, и чудную, драгоценнейшую из даров, ароматную смирну – вашу любовь. А еще показал мне преп. Мефодий ваши дары – я видел их всюду, ими осыпана вся его рака, они сверкают на ступенях ее, на полу, вокруг гробницы – эти чудные сверкающие дары, эти дивные бриллианты – это слезы ваши. Много, много их. И слезы матерей, и слезы сирот, и бедных, и обездоленных. Все эти сверкающие бриллианты показал мне святой и приказал мне: «Ступай и скажи всем им, детям моим, что я видел их дары, принял их и посылаю мой мир и им и в дома их».

Дети мои, родные детки батюшки преп. Мефодия, сегодня через мои руки свое благословение дает вам сам преп. Мефодий. Он и утешил всех, кто пришел, не боясь труда, к его гробу.

13 сентября 1921 г., Всенощная, Дмитров

Среди песнопений, посвященных Кресту Господню, есть одно, где говорится: «Из рова...»

Осенняя, темная ночь... Непроглядная тьма... И в этой тьме идет путник. Вдруг под его ногами разверзается ров, и он падает туда. Жутко, темно там, холодно, сыро. Страшно, ужасно! Гады во рву, змеи... А путник спадает все ниже, до самого дна. Страшно! и вдруг он видит – протягиваются к нему руки, ведут его из рва, выносят вверх, уводят к свету, на воздух, на дорогу. Как же не схватить путнику эти руки? Как утопающий хватается, чтобы спастись. Конечно, он схватит эти руки, даст вывести себя из ужасного рва. Путник, о котором я говорю, други мои, это мы, люди. Это мы бредем во тьме ночной, которая в наше время особенно темна, особенно мрачна. Ров, куда падает путник, вы знаете, я часто, я постоянно говорю об этом страшном, об этом ужасном рве. Ров этот – безбожие. Безбожие... Вот наш страшный, наш невыразимо жуткий ров! Безбожие отцов и матерей, безбожие учителей и учительниц, воспитателей и воспитательниц. И самое страшное, самое ужасное, самое уродливое безбожие – безбожие детей. Да, детей, которые подражают в этом случае взрослым. Вот этот ужасный ров, вырытый дьявольским заступом, вырытый под ногами людей самим сатанюю. И падают туда люди, в этот адский ров, и все ниже и ниже скатываются на дно, туда, где находится вход в самый ад. Гады на дне этого рва, змеи ползают. Страсти это наши, страсти – вот эти гады. Неужели же мы отвергнем спасающие нас, протянутые к нам руки Христа? Сегодня Он снизойдет долу, до самого праха спустится Он.

Возлюбленные мои, други мои, паства моя, ухватитесь за эти руки, крепче держитесь, как держится погибающий. Сейчас, когда будут петь: «Господи, помилуй», и я, недостойный, но по благодати Божией ваш архипастырь, я буду воздвигать и ниспускать Крест Живоносный, не я буду это делать, а Сам Спаситель наш сойдет к нам, низко до праха спустится, чтобы вы могли взять его простертые крестообразно спасающие нас руки.

Паства моя, Дмитровцы мои, родные! Молю Господа я, архипастырь ваш, чтобы вы избегли страшного рва сатанинского, чтобы вы все крепко держались за простертые к вам руки, чтобы всем нам воспеть: «Слава Тебе, показавшему нам свет».

14 сентября 1921 г. Литургия, Дмитров

Св. апостол Павел в Послании к Галатам говорит:

«А я не желаю хвалиться, разве только Крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я миру» (Гал. 6:14).

Каждый христианин должен распинаться миру, быть распятым на кресте. Есть у него и гвозди, четыре гвоздя, которыми пригвозждается он ко кресту; есть и копие, которым прободается его сердце. Что же это за крест у христианина? Крест этот называется мироотречение. Мира нужно отвергнуться, не того мира, в котором светит яркое солнце, не того, в котором цветут прекрасные цветы – нет, через этот мир мы только познавать можем Творца, прославлять. От другого мира нужно отречься, от того, который апостол Иоанн называет: «Мир прелюбодейный и грешный». Мир этот движется на адской колеснице, у которой три колеса, о которых тоже говорит святой апостол. Колеса эти *похоть плоти, похоть очей и гордость житейская* (1Ин. 2:16). Этими тремя колесами колесница мира и движется прямо в пропасть адову, в царство сатаны.

Первое колесо – похоть плоти: кто живет в нечистоте, кто нарушает узы брачные (а к великому горю в наше время это часто делают), кто обещал хранить девство, а потом нарушает его – вот тот держится за первое колесо этой страшной колесницы.

Похоть очей – вот второе колесо. Похоть очей – это когда грешат взором, очами нарушают чистоту души, например, когда любуются чужою красотой, не Бога прославляя, а самоуслаждаясь, с нечистыми помыслами и желаниями. Всякие зрелища, которые действуют на страстную сторону души, тоже похоть очей. Так на дверях театра нужно было сделать эту надпись: «похоть очей». Когда любуются на танцы, идут за колесом этим.

Гордость житейская, когда человек все сам хочет сделать, все по-своему, раздражается, когда ему возражают, «как меня не слушают? я ошибаюсь? да быть того не может!» Часто, часто хватаемся мы за это третье колесо.

Вот на какой колеснице едет прелюбодейный и грешный мир. И когда человек пойдет по пути мироотречения – эта адская колесница обязательно попадется ему навстречу, чтобы соблазнить его, чтобы заставить идти за собою, перережет ему путь, чтобы остановить его. Колесница пойдет в одну сторону, а человек, отрекшийся от мира, в другую, и каждый христианин обязательно должен быть распят на кресте мироотречения; не монахи только отрекаются от мира, но всякий,

носящий имя христианина, потому что он не может любить мира, ни яже в мире.

Есть у христианина и четыре гвоздя, которыми он пригвождается ко кресту. Первый – самоотвержение. Десную руку пронзает этот гвоздь, потому что именно правая наша рука, главным образом, творит, действует. Ее-то образ действующего начала и пригвождает гвоздь самоотвержения. Что же значит отвергнуться себя? Не обращать внимания, не замечать себя; бранят – не огорчаться, хвалят – не радоваться, как будто не о нас идет речь. Второй гвоздь – терпение, им пригвождается левая рука, потому что левая сторона считается символом злого начала, протеста. Правую ногу христианина прибавляет ко кресту гвоздь бдения молитвенного стояния молитвенного. «*Непрестанно молитесь*», – говорится в слове Божиим (1Сол. 5:17). Нужно, чтобы даже когда тело спит, отдыхает, душа бы бодрствовала, молилась. Четвертый гвоздь, которым пронзается левая нога христианина – это труд молитвенный. Неправильно говорят, что молитва легка, что молитва – радость. Нет, молитва есть подвиг. Святые отцы говорят, что когда человек молится легко, с радостью, это не он молится сам, а ангел Божий молится с ним, вот ему и хорошо так! Когда же молитва не ладится, когда ты устал, хочешь спать, когда не хочется тебе молиться, а ты все же молишься, вот тогда-то и дорога для Бога твоя молитва, потому что ты тогда молишься сам, трудишься для Бога, Он видит этот твой труд и радуется этому твоему усилию, этой работе для Него.

Многие говорят: я не молился сегодня утром, настроения не было. Так может говорить только христиански необразованный человек. Вот когда у тебя нет настроения, тогда-то ты и иди в храм и становись на молитву, чтобы ноги твои были, как пригвожденные ко кресту. Распятый никуда двинуться не может, так и твои ноги пусть будут пригвождены молитвостоянием и молитвенным трудом.

На главе христианина всегда возлежит терновый венец – это помыслы наши, христианину они непрестанно дают себя знать, они, как терн, больно колют. Стоит человек на молитве, помыслы набегают и смущают в храме; даже пред Чашей Животворящей беспокоят эти помыслы, часто они бывают ужасные, пугают они человека, и он должен их вырывать. Больно от них делается человеку. Копие, которым прободается сердце христианина – это любовь, любовь горящая, пламенная, серафимская ко Христу. У кого есть эта любовь, тот всегда видит пред собою Сладчайшего Господа; кто имеет эту любовь, у того всегда в сердце звучит: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». Такому человеку уже некогда

думать о мире, о мирском, его мысль всегда занята образом Спасителя его, ему некогда судить других, разбирать их поступки – он только себя судит, чтобы не обидеть возлюбленного Господа.

Святой Игнатий Богоносец имел такую любовь, он так восклицал: «О, любовь моя...» Паства моя, возлюбленные мои о Христе, я, ваш архипастырь, молю Бога, чтобы никто никогда из вас не воссел на колесницу мира, чтобы ни одно колесо не коснулось вас, чтобы всегда вы были пригвождены ко Кресту, носили раны Спасителя. Господи, Иисусе Христе, молим Тя, сподоби нас сраспинаться и спогребаться Тебе, чтобы и воскреснуть для вечной жизни с Тобою.

1 октября 1921 г. Дмитров

Люблю я, други мои, когда в храме возжено много лампад, люблю их тихие огоньки!

Вспоминается мне, когда я был в Палестине и зашел помолиться к гробу Матери Божией. В пещере сверкало много, много лампад: больших и маленьких, золотых и серебряных. Все они горели тихонькими огоньками, напоминая бесконечные миры, которые движутся в небесном пространстве, подчиняясь неизменным законам. И в светлом Царстве Божиим есть сверкающие лампы, дивные горящие лампы, и самая драгоценная из них, горящая для нас елем всепрощения и любви, лампада нашего спасения – Царица наша Небесная, Матерь Божия, радость человеков, ангелов удивление, архангелов поклонение, восторг херувимов, красота серафимов. Она горит пред престолом Господним для нас Светом Своея благодати и любви, озаряя наши души. И другие лампы – пророки, мученики, преподобные – горят в небесных чертогах, освещая наш путь к Господу. И вы, дорогие мои, лампы Божии, вы – мои лампы, данные мне на хранение. Тело ваше – сосуд, душа – огонь, возженный Божьей рукою, а елей, которым питается этот огонь – Животворящая Кровь Господа нашего Иисуса Христа. И пока душа питается этим живоносным, чудным елеем, она горит тихим огнем лампы Божией.

Кто же не причащается, кто отвернулся от Христа, кто оттолкнул от себя Божественную Чашу, кто ушел из Церкви Божией – тот не Божия лампада, а факел сатаны, потому что есть Божия лампада, а есть факел дьявола. Говорить о разнице между ними нечего: она всем понятна, и сатана знает эту разницу, вот почему он поднимает ужасающую бурю, чтобы затушить Божьи лампы, чтобы лишить душу елея благодатных Тайн Животворящих. Горите же, мои лампы, горите ярко пред Богом, чтобы, когда я оставлю вас, мои возлюбленные, и предстану там на суд небесный, не отвратила бы Владычица наша своего светлого лица от меня за то, что я не учил вас, мою паству, спасению, не звал к Животворящей Чаше. Горите ярче, мои возлюбленные, чтобы мог я сказать: «Господи, вот мои лампы, не затушил их огня вихрь сатаны и не иссяк елей их».

2 октября 1921 г., Всенощная, Пятницкая церковь, Дмитров

Иисусе воскресший, воскреси души наша!

Жил один старец, святой подвижник в пустынной келье. Другие отшельники, обитавшие в близлежащих кельях, проходя мимо жилища отшельника, слышали постоянно горькие стоны и плач. Огорчал их этот плач, и они часто советовались, как утешить старца и чем помочь ему. Однажды они решились постучать к нему, и когда пустынный отшельник отпер, они его спросили: «О чем ты так горько плачешь и стонешь, старец?» Отшельник ответил: «Я плачу потому, что у меня есть дорогой, близкий покойник». Пустынники ушли и стали рассуждать так: «Какой же у него покойник? Отец у старца давно умер, мать тоже умерла, братьев и других родственников старец давно оставил, кто же этот дорогой, близкий ему покойник?» И опять пошли пустынники к старцу, постучались в его пустынную келью, и когда он открыл им дверь, отшельники спросили его: «Скажи нам, кто у тебя этот покойник, о котором ты так горько плачешь?» И ответил старец: «Душа моя, вот мой покойник, о душе умершей плачу я».

Други мои, умирает не одно тело, и душа умирает иногда. Св. Симеон Новый Богослов так говорит о том, что бывает, когда умирает душа. Когда умирает тело, то его покидает душа и всякая деятельность тела уничтожается: очи перестают видеть, уши перестают слышать, руки – действовать, ноги – двигаться. То же бывает, когда умирает душа: тогда покидает ее дух, божественная часть нашего существа. В это время очи наши внутренне перестают видеть чистые лики небожителей, слышать и понимать святые песнопения Церкви, обонять и воспринимать благодать Божию; ноги наши перестают двигаться по путям Божиим, руки – действовать на прославление Господа. И наша Церковь хорошо знает об этой смерти души, потому что в своих песнопениях она говорит об этом. В святой Великий пост она поет: «Душе моя, восстани, что спиши!» В каждый понедельник и вторник, которые по уставу полагается посвящать покаянию, она тоже говорит в своих чудных песнях о покаянии. И как страшно для нас мертвое, разлагающееся, зловонное, пожираемое червями тело, и мы спешим сбросить его в землю, закрыть его безобразиями землею, так отвратительна для ангелов и нашего ангела-хранителя наша мертвая душа, покрытая червями-страстями.

В древнее время у восточных деспотов, особенно в Персии,

существовали две страшные отвратительные казни – одна состояла в том, что к казнимому привязывали разлагающийся труп так, что руки трупа обхватывали плотно шею преступника. В его глаза постоянно глядели провалившиеся очи мертвеца, он всегда обонял зловоние разлагающегося тела; шел он, за его плечами была страшная ноша, садился с трупом, спать он не мог ложиться, не чувствуя этих страшных объятий. Другая казнь заключалась в том, что осужденного, обнажив, клали на доску и крепко привязывали по рукам и ногам, потом ему на живот клали мышь, накрывали ее глиняным горшком и на горшок клали раскаленное железо. Горшок нагревался, мышь начинала задыхаться от жажды и, не находя выхода, прогрызала живот казнимого, забиралась в его внутренности и причиняла страшную боль.

Други мои, и в наш век культуры и цивилизации, в век открытий великих, сохранилась и та, и другая казнь. Многие из нас носят за плечами страшный труп, этот мертвец нашего времени – безбожие. Оно же есть и тот гад, который грызет внутренности наши, и с этими ужасными ношами ходят люди, потому что страшный палач – дьявол творит над ними казнь. О, какая эта отвратительная, какая невыносимо ужасная пытка!

Если бы, други мои, пошли вы на кладбище, и все похороненные там встали бы из могил и окружили бы вас, бродили бы бледными тенями вокруг вас, не дрогнуло бы ваше сердце? Не захотелось бы разве вам убежать от этого зрелища? А мы часто ходим среди живых мертвецов. Разве неверующие не мертвы? Но мы должны заглянуть в свои души, не мертвы ли и они тоже? Не приложимы ли к нам слова апокалипсиса Иоанна Богослова: *«Ты думаешь, что ты богат, а Я говорю тебе, что ты нищ и убог и мертв»* (ср. Откр. 3:17).

Так и нам кажется иногда, что мы живы, а на самом деле душа наша мертва от грехов, потому что грехи умерщвляют дух Божий в нас. Вот почему нам всем нужно взывать: Иисусе воскресший, воскреси души наша!

3 октября 1921 г. Литургия, Пятницкая церковь, Дмитров

Иисусе воскресший, воскреси души наша!

Вчера, други мои, я беседовал с вами о смерти души, о том, как может умирать наша душа, умирать и делаться пищею червей. Вот об этих-то червях и хочу говорить сегодня с вами, возлюбленные мои! Черви, терзающие душу нашу – это страсти и грехи наши, бес; конечно, много этих червей на душе нашей, потому что много, много у нас грехов: и словом, и делом, и мыслию – всем мы согрешаем. Как псалмопевец говорит: *«Беззакония моя превзыдоша главу мою»* (Пс. 37:5), – вот какое множество у нас грехов! Но главных грехов святые отцы считают 8, остальные же грехи только языки этих. 8 змей, только ядовитые зубы их. Я назову вам сначала этих змей, а потом покажу и детеньшей их.

Первая змея – чревообъядение, больно кусает эта змея. Вторая страшная, отвратительная змея развернулась на всю нашу землю русскую и больно, больно кусает нас – любодеяние – вот вторая змея. Третью змею отцы святые называют сребролюбием. Четвертая – гнев. Пятая – печаль. Шестая – уныние. Седьмая змея страшная, от которой не освобожден почти никто – это тщеславие. Восьмая змея самая страшная из всех – гордость. Вот эти восемь змей, которые нападают на душу, отравляя ее своим ядом. Рассмотрим теперь поподробнее этих змей и их зубы и языки.

Первая змея – чревообъядение. Это прежде всего всякого рода излишества в пище и питье, объедение, пьянство, лакомство. У этой змеи много языков и зубов, часто очень тонких и малозаметных. Всякого рода заботы о плоти, самоуслаждение – вот языки этой ядовитой змеи. Но самый главный из них – себялюбие, когда человек думает и заботится слишком много о себе, о своем покое.

Змея вторая – любодеяние. О зубах ее и говорить, по словам апостола, «срамно есть», но по долгу архипастыря я назову и покажу вам эти страшные зубы: один из них – блуд, нарушение целомудрия; второй – прелюбодеяние. Этот зуб разрывает хитон супружества, когда муж нарушает верность жене или обратно – тогда, знайте, что это действие зуба второй змеи. Но у нее еще есть зубы – пороки противоестественные, о них мы и говорить не будем, потому что срамно есть. Отвратительны все эти змеиные зубы. К тем, которые отдаются в их власть, апостол обращается со словами: *«Разве вы не знаете, что вы Христовы есть и тело ваше храм Божий есть?»* (ср. 1Кор. 6:19). Кто отдает себя во власть второй змеи, тот разрушает и оскверняет этот храм. У второй змеи есть и

более тонкие зубы, о них сказал Христос: «*Всякий, кто взглянет на женщину с вожделением, уже прелюбодействует вместе с ней*» (ср. Мф. 5:28). Вот как строго относится к чистоте Христос, и труднее нет борьбы, как с этими злыми детенышами страшной змеи. В этой борьбе нужно просить небесной помощи у Пречистой Девы Марии, честнейшей херувим и славнейшей серафим, чистейшей светлостей солнечных.

Третья змея – сребролюбие, любовь к деньгам, страсть к наживе. У человека, одержимого этой страстью уже не остается в душе места для Христа, ему некогда подумать о спасении, потому что он всегда в смятении, в тревоге, как бы не упустить какого-нибудь сокровища. У этой змеи есть один очень острый зуб, который теперь очень часто кусает: многопопечительность. Да что я буду делать в будущем году? Да как я проживу? Как придется жить под старость? Не думают люди, что Господь прежде прошения знает наши нужды.

С третьей змеею тесно связана четвертая – гнев. Много зубов у этой змеи. Первый из них – раздражительность. Не согласятся с нами – и мы гневаемся, кричим, укоряем, дальше раздражение усиливается, заставляет нас браниться, часто злыми отвратительными словами; мы забываем тогда, что за всякое слово гнилое воздадим ответ в день суда. Бывает и хуже: мы не только браним своего брата, но и ударяем его, а еще дальше и убиваем или словом, или взглядом. Да, други мои, и взглядом можно убить человека. Тяжко, когда в душу вонзается зуб этой змеи, мрачно делается на душе, холод охватывает ее, радость оставляет душу человека в гневе.

Чревообъедение, любодоежание, сребролюбие, гнев.

Пятая змея – печаль. Есть печаль по Боге, та печаль, которая заставляет сокрушаться и плакать о грехах – печаль святых угодников Божиих, но есть и другая печаль – печаль о благах мира сего. Два острых зуба имеет эта змея – ропот и тоска. Всем людям живется хорошо, только мне тяжело, вот и ропот и печаль. Да разве ты знаешь, почему так живешь? Еще страшнее зубы тоски, которая доводит до отчаяния в милости и силе Господа. Отчаяние – грех Иуды Искарюта.

Уныние – шестая змея, ее можно назвать параличом души. При параличе тела отдельные члены его теряют способность действия: глаза не смотрят, уши не слышат, ноги не ходят, руки не действуют, словом, почти прекращается жизнь. То же бывает при параличе души: вся жизненная сила ее оскудевает: молитва не ладится, работать над собою не хочется, душа как бы впадает в тяжелый сон.

Могущественна седьмая змея, многочисленны ее детеныши, тонки, удивительно тонки ее зубы. Тщеславие – имя ее. Почти нет человека на

земле, который мог бы сказать о себе: «Я не тщеславен, потому что знаю, что я хуже всех». Тщеславие – тщетная, напрасная слава. Тщеславится человек умом, талантами, красотой лица, богатством одежды и обстановки, умом, знанием, ученостью. Ужаснее всего, что даже великие подвижники от этого зуба страдали, потому что можно превозноситься и подвигами. Вдруг во время молитвы скажет сам себе: «Люди видят, какой я молитвенник». Вот уже превознесся и был укушен змеей тщеславия. Даже, повторяю, и великие подвижники не были свободны от помыслов, правда, помыслов только, как преподобный Серафим. Когда он отказался оставить Саровскую обитель и принять сан игумена и возвратился в убогую келейку, в пустынке почувствовал, что тщеславный помысл возникает в душе. Великий, полный смирения старец жестоко наказал себя за этот помысл: тысячу дней и тысячу ночей отмаливал он этот помысл. Забывает тщеславный, что все, что имеет он, не его, а Создателя. С пренебрежением часто относится человек тщеславный к другим людям, с раздражением встречает всякое противоречие. С осторожностью смотрите, как опасно ходите.

Восьмая змея – гордость. Самого сатаны грех этот. Гордость ведет к многим грехам, страшнейший из них безбожие, за которым наступает смерть души. Мы рассмотрели восемь змей души нашей. Грехи эти смертные, потому что душа, ими одержимая, умирает медленной смертью.

Слишком затянулось мое слово к вам, други мои, а потому я только кратко скажу, что если есть змеи в душе, то там же растут и цветы небесные, которых боятся змеи. Первая змея – чревообъедение, боится цветка воздержания. Любодеяние не выносит крошечной росинки с цветка целомудрия, чистоты. Сребролюбие боится милосердия. Гнев убивается чудным цветком кротости. Печаль – неизреченною, неизглаголанною радостью о Духе Святе. Уныние – цветами терпения. Тщеславие не выносит небесной красоты цветка смирения. Что же касается последнего небесного цветка, малейшая росинка с которого, как страшный яд, убивает гордость со всеми ее змеенышами. Имя этого дивного цветка – любовь. Любовь ко Христу – самый дивный, самый прекрасный цветок души нашей. У кого расцвел этот цветок, у того вечная радость. Чтобы найти этот цветок, трудятся подвижники, отрекаясь от всех благ мира, для этого цветка проливалась кровь святых мучеников. Кто понимает, как прекрасен этот цветок, тот ничего не пожалеет на приобретение его, отдаст все силы души.

Один подвижник 30 лет взывал ко Христу: «Дай мне каплю любви». И через 30 лет молитву его услышал Господь; старец впал в тяжелую

болезнь, во время очень тяжелых испытаний упала в его сердце чистейшая капля с небесного цветка, и такое блаженство охватило душу старца, что он благословлял свои страдания. «Господи, и мы Тебя умоляем, урони каплю любви и в наши души, зажги в них огонь с цветка Твоего Божественного».

4 октября 1921 г., Всенощная, Дмитров

Сегодня мы празднуем память святителей Петра, Алексия, Ионы и Филиппа. Их нет теперь с нами, они ушли в затвор, закрыли двери своего дома.

Но мне вспомнилось то время, когда открыты были ворота святого Кремля, и в нынешний день много богомольцев собиралось туда, чтобы проводить святителя Алексия, когда он пойдет в гости к трем своим друзьям в Успенский собор.

Вот как это происходило. В 4 часа дня монахи Чудова монастыря совершали торжественную вечерню, во время которой большой образ святителя Алексия стоял у гроба его; после вечерни и молебна с крестным ходом икона переносилась в Успенский собор, там она оставалась на всенощную, а на другой день после литургии также торжественно св. Алексий возвращался домой. Теперь Кремль закрыт, святители в затворе. Но у каждого из нас есть свой кремль, о нем-то и поговорим сегодня. У каждого, говорю я, други мои, есть свой кремль, освященный Божественною силою, воздвигнутый кремль души нашей. Этот кремль нужен для того, чтобы сохранить от врагов внутреннее духа нашего. У нашего священного кремля тоже, как и у всякого, четыре стены. Первая стена, обращенная прямо ко внешнему миру, самая большая, самая важная, называется смирение. Вторая стена – самоукорение. Если первая учит не превозноситься, считать себя хуже всех людей, то вторая гласит – «что бы ни случилось с тобой, помни, что ты один во всем виноват». Третья стена – страх Божий. У кого воздвигнута эта стена, тот будет избегать греха, чтобы не оскорбить Господа. Четвертая стена – память Божия. Когда есть эта стена, человек ни на одну минуту не забывает, что он ходит пред лицом Бога, который видит не только его дела, но и мысли. Но кроме стен, кремль божественный защищают четыре стражи, у каждой стены по одному. У первой стены страж – внимание. Этот страж следит за входящими и допускает только тех, кто имеет билет добродетели, остальных же не допускает. У второй стены страж, на долю которого выпало очищать кремль, если врагам все же удастся проникнуть. Страж этот – покаяние. У третьей стены на страже ревность по Боге, грозный этот страж избивает врагов, которые все же проникли в кремль. И четвертый страж бичом изгоняет и поражает всех врагов, которые сумели спрятаться от первых трех стражей. Имя четвертому стражу – молитва Иисусова. Вот как укрепляется кремль, в такой не проникнут никакие

враги, потому что их не допустят стражи и каждый из нас посмотрит: в порядке ли стены? Не обрушились ли где? На месте ли стража? Если так, то будь спокоен за дом души твоей, кремль охранит ее, и дом этот станет жилищем Самого Бога, а кремль будет подобен дому, построенному на камне, ни бури, ни волны житейские не обрушат его. Святители Российские да помогут вам, возлюбленные мои, построить прочно ваш кремль.

Без даты. Литургия, Пешношский монастырь

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Поздравляю вас, возлюбленные мои, и радуюсь, что вы сегодня и вчера подходили к Животворящей Чаше. Теперь вы соединились со Христом, Его Святейшая Кровь течет в вашей крови. Он Сам вошел и освятил каждую частичку вашего тела, вы теперь дети Божии, родные детки Его. И вот на прощанье мне хочется вам сделать подарок.

Я хочу вам подарить от преподобного Мефодия драгоценную цепочку из золотых колечек, пусть она у вас будет на сердце, а еще лучше пусть она хранится у вас в сердце – эта драгоценная цепочка! Семь колечек имеет цепочка, семь прекрасных золотых колечек, вот они, запомните их хорошенько! Первое колечко – память Божия. У кого есть это колечко, тот постоянно, каждую минуту помнит о Боге, видит Его пред собою. Второе колечко тесно связано с первым – это страх Божий. Кто помнит Бога, тот не сделает дурного, потому что побоится, не захочет обидеть Господа, Которого зрит пред собою. А если есть страх Божий, то и третье колечко уже должно быть – подаяние, потому что страх Божий покажет вам все ошибки вашей совести. С покаянием тесно связан самоконтроль: наблюдение за собою – это четвертое колечко золотой цепочки. Кто искренно раскаивается в своих грехах, тот будет всегда следить за собою, избегать всего, что может оскорбить Христа. Пятое колечко, самое драгоценное, оно усыпано бриллиантами – это колечко называется смирение. У кого имеются первые четыре, тот имеет и это пятое, потому что такому человеку некогда превозноситься над людьми, нечем гордиться, он только занят своими грехами, он только внимательно следит за собою, за своими поступками. А кто помнит и боится Бога, раскаивается в грехах своих и контролирует, наблюдает за собою, у кого есть смирение, тот обрел мир совести, мир души – это шестое колечко. Седьмое колечко, наверное, вы сами мне подскажите: у кого светло и мирно на душе, тот не станет сердиться или обижать другого, потому что у него есть седьмое колечко – мир с людьми, тот любит людей. Вот эта чудная цепочка преподобного Мефодия.

Я повторю еще раз: память Божия, страх Божий, покаяние, самоконтроль, смирение, мир совести и мир с людьми. Возьмите же этот подарок, сберегите его и отнесите в свои дома.

1922 г.

Поздравляю вас, возлюбленные мои, с большим праздником нашего города, с днем, в который наш Крест Животворящий, наша святыня и драгоценность приплыл к нам по водам реки нашей.

Когда отец сделает подарок своим детям, то они дорожат этим подарком, любят его, ценят. Нашим предкам, а с ними и нам, Господь даровал чудный подарок – Свой Крест, который столько милости Божией явил нашему городу. И я сам, приехав сюда, полюбил этот дар Божий, много раз получал от него утешение и исцеление в моих немощах. Посмотрим же, что рассказывает этот дар.

Крест – наш якорь и теперь, в наше время, он нужен больше, чем когда-либо, людям. Наш корабль, Церковь нашу, обуревают страшные волны, угрожая его совсем потопить. Страшно, что волны проникли своими солеными струями внутрь самого корабля, угрожая залить его и погубить окончательно, и нам нужно крепко держаться за наш якорь. Я радуюсь, что вы понимаете значение этого якоря, любите его и недавно доказали свою любовь. Но мало иметь хороший якорь, он может быть очень надежный, но без цепи корабль не может удержаться во время бури. Цепи могут быть разные – золотые, серебряные, медные и др. Цепь – это наша вера православная, вера в Церковь нашу. Православная Церковь – золотая цепь, только одна принадлежность к этой Церкви уже спасает. Чудные звенья составляют ее: первое звено – Сама Пречистая Богородица, далее Иоанн Предтеча, пророки, апостолы, мученики, преподобные и многие, многие святые. За нею идут другие цепи: серебряная – католичество, медная – лютеранство, железная – другие Церкви, а потом пойдут уже одни гнилые верейки – секты разные.

Вы держитесь пока за золотую цепь. Смотрите, чтобы вам не подменили ее. Будьте внимательны, други мои! Страшное время переживаем мы, и пока я с вами, я считаю своим долгом предупредить вас, потому что мы живем в такое время, про которое сказано: *«Две будут молоты, одна возьметса, другая останется»* (Лк. 17:35).

Недавно я был у старца своего, и он мне сказал: «Я боюсь за спасение своей души». Подумайте, други мои об этом: старец боится за спасение души.

Страшное время наступает; может быть, мы стоим уже при дверях, может быть, уже грядет час суда. Много из предзнаменований исполняется: страшная, бессмысленная, братоубийственная война, голод,

который доводит людей до людоедства, а за ними тяжелые смертные болезни, мор по древним предсказаниям.

Откровение Иоанна Богослова говорит о появлении зверя, борющегося с Агнцем Божиим, там говорится о Жене, родившей Сына, которого преследовал страшный зверь, вышедший из бездны. Но Жена скрылась в пустыне. По толкованию св. отцов Жена – Церковь Христова. Они предсказывали, что придет время, когда снова верующим придется уходить в подземелье, скрываться в пустыню. Не наступает ли теперь это время? Будьте крепки духом, будьте внимательны.

В последние дни, говорит Писание, восстанут лжепророки, чтобы, если можно, прельстить и избранных. Крепко держитесь золотой цепи – веры православной, установления св. отцов и апостолов. Крест Животворящий да утвердит вас.

Утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, Церковь Твою, юже стяжал еси Честною Твоею Кровию.

Содержание

Проповеди священномученик Серафим (Звездинский), епископ Дмитровский	1
Великая Среда 1921 г. Литургия, Дмитров	2
Великая Пятница 1921 г., Дмитров	4
Великая Суббота 1921 г. Дмитров	6
14 июня 1921 г. Литургия. Пешношский монастырь	8
13 сентября 1921 г., Всенощная, Дмитров	9
14 сентября 1921 г. Литургия, Дмитров	10
1 октября 1921 г. Дмитров	13
2 октября 1921 г., Всенощная, Пятницкая церковь, Дмитров	14
3 октября 1921 г. Литургия, Пятницкая церковь, Дмитров	16
4 октября 1921 г., Всенощная, Дмитров	20
Без даты. Литургия, Пешношский монастырь 1922 г.	22 23